

Издан «Очерк культуры киргизского народа» аккуратно, однако не без опечаток. Досадно отсутствие иллюстраций и карты.

В целом автором сделана полезная работа. Было бы желательно видеть эту работу (с исправлением указанных недочетов) в переводе на киргизский язык. Такая сводка — первая для народов Средней Азии. К сожалению, мы до сих пор не имеем сводок подобного типа для узбеков, казахов, туркмен, таджиков. А такие сводки нужны не только для читателя и для целей самообразования; они могли бы иметь значение и вузовского пособия для курсов по этнографии. Такими достоинствами обладает рецензируемый труд. С другой стороны, труд этот свидетельствует о необходимости создания подлинно этнографических монографий по отдельным народам, где, наряду с монографическим описанием, соответствующее место заняли бы этногенетические вопросы.

А. Бернштам

«Манас», киргизский эпос, «Великий поход». Гослитиздат, 1946.

Киргизская эпическая трилогия «Манас» принадлежит к числу наиболее крупных произведений мирового устного народного творчества. По своим высоким художественным качествам, эпической широте развертывающихся событий, богатой гамме изображительных средств при описании героев и их поступков, наконец, по своему огромному объему (исполнение полной версии «Манаса» талантливым сказителем — манасчи может занять несколько месяцев) киргизский героический эпос может быть поставлен в один ряд с такими жемчужинами мировой эпической литературы, как «Илиада», «Одиссея», «Калевала» и др. С тем большим сожалением приходится отметить, что русскому читателю эпос «Манас» до последнего времени был известен только по случайным переводам отдельных отрывков, печатавшимся в газетах и журналах. Лишь накануне Великой отечественной войны был издан в виде небольшой книги поэтический перевод нескольких эпизодов эпоса («Манас», киргизский народный эпос, М., 1941), извлеченных из подготавливавшегося к печати самого значительного цикла трилогии — песен о «Великом походе». В 1943 г. в г. Фрунзе вышла из печати работа ныне покойного литературоведа и фольклориста К. Рахматуллина «Великий патриот, легендарный Манас», содержащая краткое изложение основных эпизодов эпоса «Манас», но эта работа не получила широкого распространения.

Выход в свет рецензируемой новой книги — событие большого политического и культурного значения. Не говоря о том, что киргизский эпос в одном из своих наиболее выдающихся звеньев становится достоянием широкого русского читателя, эта новая публикация великолепного памятника киргизской устной словесности будет в не малой степени способствовать дальнейшему расширению и укреплению братских культурных связей киргизского народа с другими народами СССР и прежде всего с великим русским народом¹.

Книга «Манас» открывается содержательной вступительной статьей У. Джакишева и Е. Мозолькова. Мы находим здесь общую оценку памятника, историю его записи и изучения и характеристику той ведущей роли, какую занимает героический эпос в поэтической сокровищнице киргизского народа. Дав сжатую характеристику формальной стороны памятника и рассмотрев типичные для киргизского эпоса приемы стихосложения, авторы излагают общую канву трилогии, раскрывая ее основную патристическую идею — объединения киргизских племен для борьбы с иноземными захватчиками. Авторы правильно поняли идейное и общественное значение эпоса «Манас», как гениального памятника национального самоутверждения киргизского народа. Однако, критикуя с этой точки зрения высказывание первого ученого, которому принадлежит честь открытия «Манаса», Чокана Валиханова за излишний «этнографизм» при оценке эпоса, Джакишев и Мозольков впадают в другую крайность и, по нашему мнению, в совершенно недостаточной степени учитывают огромную познавательную ценность киргизского эпоса как культурно-исторического памятника, как источника для изучения и раскрытия путей формирования киргизской культуры. Разумеется, это наше замечание не колеблет основных положений авторов статьи и не снижает данной ими справедливой и высокой оценки качеств эпоса «Манас» как художественного произведения.

Эпический цикл «Великий поход» — наиболее крупная по своим размерам, центральная по замыслу часть трилогии. Рецензируемая книга содержит первую часть этого цикла, о чем мы узнаем, правда, только из упомянутой вступительной статьи — титульный лист об этом умалчивает. Первая часть цикла «Великий поход» включает семь песен. Песнь «Заговор ханов» служит как бы прелюдией к основному повествованию. В ней завязывается тот узел полных драматизма событий, которые развертываются в последующих песнях, дается мотивировка предпринимаемой киргизским богатырем

¹ Уже в процессе печатания настоящей рецензии я имел возможность ознакомиться с рецензией Л. Климовича («Советская книга», 1946, № 12) на книгу «Манас». Не имея по техническим причинам возможности высказаться по существу этой спорной рецензии в настоящем номере «Советской этнографии», я предполагаю в следующем номере вернуться к этому вопросу. Автор.

Манасом крупной наступательной операции против китайских ханов, как похода, имеющего целью предупредить намерения китаев, стремящихся покорить свободолюбивые киргизские племена. Посланные ханами-заговорщиками, недовольными Манасом, послы возвращаются от Манаса с грозным наказом ханам прибыть к нему с войсками для участия в походе против китаев. Песня заканчивается описанием встречи мятежных ханов с Манасом, торжественного выхода грозного Манаса к ханам с целью их устрашения, речью Манаса, обращенной к участникам похода, и выборами военачальника. Вторая песнь, «Начало похода», рисует эффектную картину сборов и выступления киргизского войска в поход. Выступив в поход, Манас заезжает к своей любимой жене Каныкей, которая снабжает дружину Манаса из 40 витязей снаряжением и боевыми доспехами и произносит напутственное слово. Неурядицы в войсках вынуждают Манаса назначить нового полководца — Алмамбета. Последний предпринимает ряд реформ, устанавливает строгую дисциплину, что приводит войска в боеспособное состояние. В самом начале организуемой Алмамбетом разведки происходит его ссора с одним из главных богатырей Манаса — Чубаком, заканчивающаяся их примирением при участии Манаса. В следующей песне, «Рассказ Алмамбета», носящей автобиографический характер, излагается история появления на свет Алмамбета и овладения им тайнами чародейства. После борьбы с китайскими ханами и бегства из плена Алмамбет возвращается к матери, принимает ислам и, по наущению матери, тайной мусульманки, убивает отца и бежит из Китая. После долгих скитаний, жизни у казахского хана Кюкбэ, посещения Бухары и свидания с женой Манаса — Каныкей Алмамбет присоединяется к Манасу и становится его верным соратником. Описанию разведки посвящена четвертая песнь. Во время разведки богатыри Алмамбет и Сыргак преодолевают многочисленные препятствия. Они убивают стоящих на страже китайских границ веших лису и архара, побеждают могучего одноглазого богатыря Малгуна, от их руки погибает убегающая из своего пограничного укрепления-дворца женщина, великанша Канышай. Достигнув Малого Бейджина, Алмамбет встречается со своей нареченной невестой — также тайной мусульманкой, китайской принцессой по имени Бурулча. Пятая песнь, «Великий угон», повествует о захвате киргизскими богатырями богатой добычи — бесчисленных вражеских конских табунов. Содержание предпоследней песни, «Битва батыров», составляет описание первых схваток киргизских богатырей с войсками главного китайского богатыря Конгурбая. В это время к богатырям-разведчикам присоединяется сам Манас, а затем прибывает и все киргизское войско. Седьмая, заключительная песнь, «Решительный бой», дает картину массового сражения киргизского войска с китайским, заканчивающегося поражением Конгурбая. Та же участь постигает последнюю надежду китаев — страшного богатыря Мады-хана. После окончания сражения киргизское войско во главе с Манасом вступает в Малый Бейджин.

Такое содержание первой части цикла эпических песен — «Великий поход». За исключением песни «Рассказ Алмамбета», в основу перевода которой положен вариант современного сказителя Саякбая Каралаева, все остальные песни переведены с записей «Манаса», сделанных со слов покойного знаменитого манасчи Сагынбая Орозбакова. Впрочем, некоторые признаки дают основание предполагать, что в ряде случаев переводчики вынуждены были пользоваться с одной редакцией текста эпоса, что, по нашему мнению, нельзя признать удачным.

Авторами поэтического перевода «Великий поход» на русский язык являются поэты Семен Липкин, Лев Пеньковский и Марк Тарловский. В данной рецензии не место входить в подробное рассмотрение достоинств и недостатков той огромной, сложной и трудоемкой работы, которая была проделана переводчиками, ибо для глубокой оценки качества перевода потребовался бы большой труд сличения перевода с текстом эпоса, находящимся еще почти полностью в рукописном виде. Известной гарантией доброкачественности перевода, с точки зрения его смыслового соответствия тексту, является уже одно то, что в редактировании книги, наряду с У. Джакнишевым, Е. Мозольковым и И. Сельвинским, принимал участие крупнейший знаток киргизского языка, заслуженный деятель науки Киргизской ССР, проф. К. К. Юдахин. Однако ряд замечаний все же хотелось бы сделать как по существу связи перевода с текстом эпоса, так и относительно подачи поэтического материала. В целом перевод производит весьма благоприятное впечатление. Его достоинства составляют сочность поэтического языка, в большинстве случаев удачное сохранение своеобразия стиля и колорита эпоса, форм киргизского стихосложения. В некоторых эпизодах мы встречаем образцы высокохудожественного перевода, ярко и образно передающего содержание эпоса. Большое впечатление оставляет письмо Манаса к ханам (стр. 44), очень эффектно подано описание чудовищной пушки Абзель (стр. 50, 51), ювелирно отделано то место второй песни, в котором подробно рассказывается о способах изготовления снаряжений и одежды, которыми Каныкей снабжает витязей Манаса: головных уборов, шаровар, обуви, панцирей, поясов и т. д. (стр. 99—102); удачно выдержана в лирических тонах прощальная песня любящей и мужественной Каныкей (стр. 104, 105); остро и сильно звучит описание внешнего облика грозного Манаса (стр. 139). Однако перевод не свободен от недостатков, в большинстве не слишком значительных, но иногда все же существенных. Прежде всего, нам кажутся не всегда оправданными некоторые элементы модернизации. Понятие «города», для эпоса не типичное, встре-

чается в отдельных случаях как позднейшее наслоение и скорее могло бы быть передано как «крепость». Между тем мы находим в переводе выражения: «крепость полная горожан» (стр. 34), «город Манаса» (стр. 62). Существующие у киргизов-кочевников понятия для времени принятия пищи не совсем правильно отождествлять с европейскими понятиями обеда и ужина. В переводе же имеется такое место:

...Чтобы о б е д ы и у ж и н ы мне
Готовили они на огне (стр. 106).

Нам кажется спорным прием широкого использования в переводе специфичных для русской истории и русского языка терминов, оборотов речи и образов, не всегда имеющих соответствующий эквивалент в киргизском языке и лишь весьма условно, в плане общего семантического толкования, могущих быть сближаемыми с киргизскими терминами. Такие выражения, как «воевода Кошой» (стр. 29), «с красным холстом на шесте» (стр. 56), «князь Ашир» (стр. 138), «Вседержитель свят» (стр. 50) и др., может быть, и ближе русскому читателю, но зато очень отходят от духа киргизской речи. Сюда же можно отнести употребление для сравнения такого неизвестного киргизам понятия-образа, как тайфун: «полетел он, как тайфун» (стр. 175), «умела отворить тайфун» (стр. 176), «в сад ворвался я, как тайфун» (стр. 196), «тайфуном грозным налечу» (стр. 223). С другой стороны, авторы перевода не всегда к месту употребляют киргизские термины, а в отдельных случаях не совсем осторожно используют их. Почему, например, на стр. 61 сказано: «кюрюча им не жалеть», хотя слово «кюрюч» легко переводится через русское «рис»? Почему нужно писать «сорок алтынных щитков» (стр. 102), когда устаревшее «алтын» можно передать современным русским «золото». Читатель вынужден искать в помещенном в конце книги словаре значение каждого из этих слов, иногда не находя этого значения (например, к слову «алтын»). Укажем еще на употребление почти подряд нескольких слов, имеющих одно и то же значение, что остается неизвестным читателю (малах, треух, тумак — стр. 98). Читатель должен также догадываться, что Кула-ат и Ак-кула (название коня) — одно и то же («С Кула-а том на поводу» — стр. 50; «Взяли стройного Ак-кула» — стр. 56). Разнотенения и неточности в личных именах и топонимических названиях наблюдаются и в других случаях. Например, при перечислении батыров Манаса мы читаем: Шынги-ул. Бозуул, Ирчул (стр. 36). Там же киргизское имя Баймат передано в руссифицированной форме («Байматка — плешивый лоб»). В одном случае мы читаем Кытмыр (стр. 32), в другом — Кыгымыр (стр. 47). Эпическое имя Эсен-хан получает почему-то в переводе несвойственную киргизам форму Эссен-хан (стр. 149). В тексте перевода мы читаем «Урюм» (стр. 326), а в словаре — «Урум». Начальный звук в термине «эр» и в имени Ак-Эркеч один и тот же, но последнее почему-то передается в форме Ак-Еркеч (стр. 217). Встречаются в переводе и другие погрешности. Возможно, что в некоторых случаях они являются результатом некритического восприятия текста эпоса. В отдельных случаях эти погрешности способны вызвать недоумение у читателя. На стр. 29 читаем: «упряжи не знавших коней» (речь, конечно, должна идти не об упряжи, а о сбруе, так как эпос имеет дело с верховыми животными). На стр. 192: «Я за нее жертвой будь!» (?). Неточными являются такие, например, выражения: «Колени обтягивал шим» (стр. 59). Шым — штаны; всегда шьются широкими. Или:

Стреноженных коней разнуздав,
Ноги их ремнями связав (стр. 110).

Как можно уже стреноженным коням связывать ноги ремнем? Странно звучит фраза:

Беркутом, у которого враз
С пальца больного снят колпачок,
Воспрянул великий Манас (стр. 320).

Во-первых у беркута нет пальцев в прямом смысле этого слова; во-вторых, колпачок надевается птице на голову, а не на ногу. Весьма спорными являются вводимые переводчиками в отдельных случаях новые словообразования, например: «В гневе зверозыком батыр» (стр. 66), «людоподобное пугало взяв» (стр. 204). Не во всех случаях оправдано употребление в поэтическом переводе, рассчитанном на широкого читателя, областных или устаревших и ныне редко употребляемых в русском языке глаголов. На стр. 45:

Зря Манас не станет грозить,
Хвост чешуйчатый гомозить.

Или:

Давно с Алмамбетом ссоры алкал (стр. 137).
Батырша-девушка Сайкал,
Которую Манас алкал (стр. 140).

«Когда он сам своей смерти алкал» (стр. 140), «Стички с Алмамбетом в залкав» (стр. 161) и др.

Нельзя пройти мимо встречающихся в переводе неудачных или неясных и непонятных для читателя слов и выражений. Слово «топорники» (стр. 36) может быть понято по-разному. Не вполне ясен смысл такой фразы:

Двое слуг на каждой узде,
Как привязанные висят.
Не мешают они езде,—
Ничего им не весить велят (стр. 36).

Для читателя так и останутся загадочными выражения: «с конницей парногройвой шел», «полчищам парногройвым тем» (стр. 58). Между тем речь идет о том, что в коннице богатыря Урбю каждый всадник имел не одну, а две лошади (вторая лошадь — заводная). Совсем непонятно такое двустийше:

Когда я в долине Темирдык
Пир устроил Теишман (стр. 140).

Отметим еще отдельные неувязки и противоречия. На стр. 35 говорится о бубне, которым страж созывает бойцов, а на следующей странице фигурирует уже «рев главного барабана». Из контекста ясно, что речь идет об одном и том же боевом сигнальном инструменте, и не следовало приводить разные и несовпадающие его обозначения в русском языке. В словаре (помещенном в конце книги) термину *тюпек* дается такое объяснение: бунчук, кисточка из конских волос под острием пики. Полное несоответствие этому правильноному объяснению мы находим в тексте:

У гнедой кобылы той
Через шею золотой
Разукрашенный был бунчук (стр. 174).

Необходимо сказать, что и в упомянутом словаре киргизских терминов встречаются неточности. Так, *арашан* не просто горячий источник, а прежде всего целебный источник; термины *джайсан* и *джасаул* не имеют в киргизском языке тех значений, которые им приписывают составители словаря: старшина рода, глава группы родов (?). Неточно объяснены термины *ишан*, *кементай*, *чара* и др. Толкование термина *хур* как «небожитель» вызывает сомнения. В словаре собственное имя Сорондук объяснено: китайский хан, отец Алмамбета. По тексту же Сорондук отец матери Алмамбета — Алтынай. Совсем странное объяснение дано термину *куль-азык*: кушанье из саранчи (?). По киргизско-русскому словарю проф. К. К. Юдахина (стр. 282) — это провизия, годная для дальней дороги, т. е. не скоропортящаяся (например, толокно). *Насыбай* объясняется как жевательный табак, приготовленный из махорки (!?) и золы степного растения. Наконец, в книге встречаются и досадные опечатки. Например, во вступительной статье вместо названий племен Саяк и Буру читаем Саят и Бучу. На стр. 182 вместо Коджоджааш напечатано Коджодааш, на стр. 116 вместо Абдильды — Адбильды.

Отмеченные недостатки не меняют общего положительного впечатления от перевода «Манаса». Нельзя забывать, что авторы перевода имели дело с крайне сложным по композиции и языку, своеобразным по стилю памятником. Это дает полное основание говорить о крупном творческом успехе поэтов С. Липкина, Л. Пеньковского и М. Тарловского. Следует пожелать, чтобы в процессе дальнейшей работы над переводом «Манаса» недостатки, подобные указанным, были по возможности устранены.

Не меньшие, если не большие, чем перед поэтами, трудности стояли перед художниками Г. Петровым и И. Костылевым, задачей которых было найти соответствующие духу и колориту поэмы художественные образы, выраженные в рисунке, орнаментальных украшениях и других изобразительных средствах. Воссоздать образ богатыря Манаса и его соратников, отобразить своеобразие эпохи, бытовую обстановку, в которой разворачиваются эпические события, — задача столь же трудная, сколь и ответственная. В распоряжении художников для решения этой задачи было крайне недостаточное количество достоверных документальных данных. И если они в целом вышли из затруднительного положения, то это нужно приписать умелому и тактичному использованию всех доступных им материалов, их богатому творческому воображению и тонкому художественному вкусу. Очень большое впечатление оставляют многокрасочные иллюстрации и среди них эффектная картина Манаса, восседающего на троне, покоящегося на тиграх и драконе (стр. 64—65), картины ссоры богатырей Алмамбета и Чубака (стр. 152—153), рождения Алмамбета (стр. 176—177) и др. Отметим лишь отдельные недостатки в иллюстрациях, которых можно было бы избежать и которые несколько снижают в некоторых случаях их художественный уровень. Таковы излишняя насыщенность орнаментальностью (стр. 32—33, 43, 73, 112—113) — узорами заполнены и головные уборы, и штаны, и подстилки; некоторое увлечение среднеазиатскими мотивами (стр. 31, 48, 89): в заставках рисунки типичного андижанского седла, кумчана и др.; отдельные неточности в деталях (в иллюстрации, изображающей пир, на переднем плане дан старик, кушающий в одиночку, что

очень неправдоподобно; мало вероятны даже для эпоса головы врагов, водруженные на шестах,— стр. 115; вызывает сомнение тип панциря с двумя дисками на груди — стр. 64—65 и др.). 19-летняя Каныкей изображена на рисунке (стр. 224—225) в женском головном уборе — «элечек», в то время как на рисунках, изображающих ее в более зрелом возрасте, на ней надет головной убор, имеющий в основном значение свадебного, при этом имеющий форму более близкую к казахской «саукеле».

В общем, выход в свет рецензируемой книги можно только приветствовать, а всех инициаторов и участников подготовки книги можно поблагодарить за ценный вклад в художественную культуру народов СССР, вклад, которым вправе гордиться создатель эпоса «Манас» — киргизский народ.

С. Абрамзон

«Таджикские сказки», составитель Б. Ниязмухамедов, под общей редакцией академика Е. Н. Павловского, Таджикский филиал Академии Наук СССР, Институт языка и литературы, Сталинабад, 1945.

Выпущенный Институтом языка и литературы Таджикского филиала Академии Наук СССР сборник таджикских сказок является событием в культурной жизни этой республики уже по одному тому, что это первый печатный сборник народных таджикских сказок на русском языке. Отдельные сказки, эпизодически появлявшиеся в периодических изданиях, до- и пореволюционных, не давали, конечно, цельного представления о характере и судьбах национальной сказки. Настоящий сборник включает 35 сказок, из которых 14 были уже в разное время опубликованы, остальные записаны в период с 1939 по 1943 г. Б. Ниязмухамедовым и другими научными сотрудниками Института, кроме двух, записанных И. Митропольским в 1915 г. в районе Чингганских гор. «Если таджикские сказки подобны океану,— пишет в предисловии составитель сборника Б. Ниязмухамедов,— то предлагаемый читателю сборник является лишь каплей его». В этой «капле» составитель постарался показать все разнообразие бытующей в настоящее время таджикской сказки: сказку фантастическую, бытовой народный анекдот, историческое предание и современную сказку с новой советской тематикой.

Большее половины сборника составляют волшебные сказки, сюжеты и стиль которых вполне соответствуют тому каноническому представлению, которое мы имели о сказках Востока еще со времени первого появления в русской печати сказок Шехерезады. Это те сказки, о которых А. М. Горький в предисловии к сказкам «Тысяча и одной ночи» писал: «Эти сказки с изумительным совершенством выражают стремление трудового народа отделиться чарованию сладких вымыслов, свободной игре словом, выражают буйную силу цветистой фантазии народов Востока»... В таджикской волшебной сказке мы встретим сюжеты и образы, хорошо известные мировому сказочному фольклору: поиски похищенной возлюбленной, в которых герою помогают чудесный конь и благодарные животные, рассказы о змееборцах, хорошо известные русской сказке сюжеты волшебного кольца, невинно оклеветанной жены (сюжет царя Салтана) и др. Действующие лица волшебных сказок — злые дивы, побеждаемые хитростью и силой героя, добрые и прекрасные пери, чудесная птица, помогающая герою разбогатеть, странствующие деревья, жестокие и глупые падишахи, хитроумный крестьянский сын — многие из них родственны действующим лицам европейской сказки. Однако от европейской сказки таджикскую отличает ее своеобразный стиль, ее цветистый язык. Чрезмерная склонность к поэтической гиперболе («Голова у нее была с юрту, а руки, как толстые бревна, пальцы с оглобли, ладонь больше, чем у арбы колесо»), традиционная формула в описании красоты героя или героини («Он был так красив, что правая сторона его лица казалась солнцем, а левая луной»), излюбленное традиционное число — сорок (например, девушку обвиняют в пребывании в обществе сорока любовников), особая украшенность любовно-лирических сцен, где в диалогах проза заменяется байтами (стихами), — все это чрезвычайно типично для восточной сказки вообще, в частности — для таджикской, как одной из ее разновидностей. Сатирические бытовые сказки и анекдоты настоящего сборника дают прекрасные образцы народного восточного юмора, напоминая известные всему миру анекдоты о Ходже Насрэддине или каравеллы Азербайджана. Сатирическое острие большей части этих сказок направлено на жадных, продажных судей («Алчный кадий», «Балхский судья» — прекрасный вариант «Шемякина суда»), на глупую спесь эмирского чиновника, доводящую его до нелепой смерти («Смерть надутого Мирахура»), на бессмысленную жестокость падишаха («Бедняк и хитрый вор»). В сборник включено и несколько исторических анекдотов и преданий: об Александре Македонском («Искандер Зулькарнайн»), предания о борьбе таджиков с арабами («Буджикентцы и арабы»), о борьбе с Чингизханом («Город Мунча»).

Особое место среди сборника занимают сказки с советской тематикой. Один из характерных фактов в развитии современной сказки — появление аллегорической сказки, повествующей в образах и мотивах традиционной сказки о событиях и людях живой советской действительности, — нашел свое место и в жизни таджикской сказки. В настоящем сборнике таковы аллегорические сказки: «Ленин и Кучук-одам», опубликованная на русском языке в 1938 г. в книге «Ленин и Сталин в творчестве народов